

Линь Сянь закончил говорить, выхватил из её рук розовый рюкзак, закинул на плечо, одной рукой схватил за запястье и потянул:

— Пойдём-пойдём, чего ты тут застряла...

Говоря это, он вытащил её из класса.

Толпа девочек так и замерла в кабинете, глядя на него во все глаза, полные сердечек... Только что Линь Сянь был невероятно крут!

Хэ Жаньжань смотрела, как Линь Сянь держит её за руку. У неё покраснели даже мочки ушей, в груди бешено колотилось сердце, а в голове стояли его лучезарная улыбка и завистливые взгляды одноклассниц.

Система пребывала в глубокой печали: стоило ли ей сообщать носителю, что шкала благосклонности героини к нему стремительно летит вверх?

У школьных ворот стоял «роллс-ройс». Когда Линь Сянь и Хэ Жаньжань подошли, Линь Исин уже сидел внутри.

Линь Исин холодно скользнул взглядом по Хэ Жаньжань, затем его глаза упали на розовый рюкзак в руках Линь Сяня, и зрачки слегка сузились.

— Братец, ты сегодня не пришёл к дверям класса, я думал, вы с учителем задержались, а ты, оказывается, вышел раньше, — непринужденно улыбаясь, сказал Линь Сянь, садясь посередине. Хэ Жаньжань села с самого края.

Линь Исин так ничего и не сказал. Не сводя глаз с окна, он неподвижно смотрел наружу, а линии его лица были тронуты лёгкой тоской и одиночеством.

Его фигура казалась хрупкой, как это бывает только у юношей, вся она словно пропиталась прохладой, но при этом в ней всё равно угадывался упрямый внутренний стержень — до нелепости гордый.

Линь Сянь подумал, что из него и правда паршивый бог сватовства: раз Линь Исин молчит, неужели ему оставлять Хэ Жаньжань без внимания? В конце концов, это он привел её в машину, нельзя же допустить, чтобы девочка чувствовала себя неловко.

Он старался изо всех сил оживить атмосферу, перебрасываясь с Хэ Жаньжань шутками и смеясь.

Краешком глаза поглядывая на Линь Исина, он замечал, что тот словно отгородился от всего

мира и вовсе не собирается вливаться в их компанию.

В течение долгого времени Линь Исин и Линь Сянь почти не общались.

Линь Сянь не видел в этом особой проблемы: в конце концов, в его глазах Линь Исин был всего лишь ребёнком. К тому же у него аутизм, нервы на пределе, мало ли какие у него капризы.

А вот его отношения с Хэ Жаньжань крепились с каждым днем: они вместе обедали, вместе ходили в школу. Однажды какая-то ученица из класса принялась насмехаться над одеждой Хэ Жаньжань, заявив, что та — дочь домработницы. Тогда Линь Сянь сыграл роль рыцаря в сияющих доспехах и отбил обидчицу так, что та чуть не расплакалась.

Носитель... тебе не кажется, что вы с героиней слишком сблизились? Ты случайно в неё не влюбился?

Хэ Жаньжань была миловидной, с покладистым характером, такую и впрямь трудно не полюбить. Но сколько ей лет? Он заботился о ней просто как о младшей сестрёнке.

Да и получалось всё само собой, без злого умысла: видел, что человек в беде, вот и протянул руку помощи, сущая мелочь.

Линь Сянь, как и прежде, беззаботно предавался радостям жизни — ел, пил и развлекался.

Из-за отчуждения Линь Исина просить его о помощи с сочинением было уже нельзя. Пришлось пересиливать стыд и идти к Хэ Жаньжань, но Хэ Жаньжань... отказала ему!

Причина у неё оказалась донельзя благородной: мол, не хочет портить его, каждый должен справляться сам... и всё в таком духе. Линь Сяню пришлось писать сочинение самостоятельно.

Дни шли своим чередом, тихие и гладкие, как вода. И всё же казалось, будто в самой тени что-то зреет, ожидая бурного шторма.

В школе недавно поползли упорные слухи, наделавшие немало шума. Говорили, что три-четыре ученицы одна за другой бесследно пропали.

Линь Исин услышал об этом, сидя за своей партой в классе. Он небрежно чиркнул пару строк на черновике, а утреннее солнце, лившееся из окна, падало на его бледное лицо, делая его красивым, словно картина.

Когда Линь Сянь и Хэ Жаньжань подошли к школьным вратам, в роллс-ройсе сидел только водитель — Линь Исин еще не вышел.

Шестой класс, возможно, учитель задержал урок. Линь Сянь сидел в машине, а Хэ Жаньжань исподтишка украдкой поглядывала на его профиль.

Через полчаса Линь Исин с рюкзаком за плечами наконец сел в машину.

Линь Сянь был парнем, причем из тех беззаботных, что в институте могут сегодня подраться, а завтра снова хихикать вместе.

Поэтому, хотя они с Линь Исином некоторое время держались на расстоянии, в душе он не придавал этому никакого значения. Увидев сводного брата, он приветливо спросил:

— Брат, вас учитель задержал?

— Угу, — коротко и невыразимо сухо бросил в ответ Линь Исин, бросив на него взгляд.

Наконец-то соизволил заговорить... Сердце Линь Сяня радостно затрепетало.

Более того, к еще большей радости Линь Сяня, когда он заговорил с Хэ Жаньжань, Линь Исин повернул голову в их сторону, и на его лице промелькнул слабый интерес.

Линь Сянь едва не расплакался от восторга! Этот ребенок, Линь Исин, наконец-то приходит в норму!

В какой-то момент Линь Исин даже улыбнулся Хэ Жаньжань... Пусть улыбка эта вышла холодной, а уголки губ дернулись неестественно, для них обоих это было сродни чуду.

Весь следующий месяц Линь Исин то и дело задерживался после школы — минут на десять-полчаса. Впрочем, он уже переходил в среднюю школу, так что это было нормально.

Отношения Линь Исина и Хэ Жаньжань тоже сдвинулись с мертвой точки, по крайней мере, прежней неловкости больше не наблюдалось.

Линь Сянь был безумно доволен: судя по всему, задание вот-вот завершится, и он сможет с чистой совестью уйти на покой, чтобы отправиться развлекаться в другой мир.

Пока в один прекрасный день заходящее солнце не обагрило небо цветом крови, а теплые желтые лучи заката не залили всю округу — всё выглядело таким прекрасным и уютным, словно сцена из аниме.

Линь Сянь сидел в машине один. Хэ Жаньжань сегодня должна была дежурить по классу, а ему было лень её ждать, и он вышел пораньше.

Прождав в машине полчаса, он понял, что ни Хэ Жаньжань, ни Линь Исин так и не появились.

Линь Сяню стало не по себе: в такое время даже Линь Исин обычно уже возвращался. Но солнце почти скрылось за горами, а от тех двоих не было и следа.

Уборка в классе не могла занять столько времени... Линь Сянь уже начал тревожиться, как вдруг подал голос Системник.

Носитель, хочешь, я проведу сканирование?

— Ты наконец соизволил объявиться? А я, мать твою, думал, ты завис насмерть. — Линь Сянь только закончил фразу, как в голове у него взвыла Система.

Носитель, скорее спасай девочку! Героиня попала в беду!

Линь Сянь на мгновение замер... Да чем он, восьмилетний сопляк, может кого-то спасти!

— Сначала дай мне координаты, где она? Я звоню в полицию.

Если заявить в полицию, это может затронуть главного героя. Главный герой заманил героиню в указанное место и связался с торговцами людьми, он здесь полноценный преступник. Ты... ты уверен, что хочешь звонить в полицию?

Хотя Линь Исин был еще мал, это пятно останется на нем до конца жизни, к тому же клан Линь наверняка отречется от него. Линь Сянь уже собирался набрать номер, но пальцы внезапно онемели.

Впрочем, оцепенение длилось недолго — он всё же нажал на вызовы экстренных служб.

Система передала в сознание Линь Сяня координаты героини, и он поторопил водителя:

— Дядя Чжан, в Сунвуский район, на улицу Цаньцзян, побыстрее...

Вызов прошел, и Линь Сянь обрисовал ситуацию полицейским.

Из-за его детского, еще совсем звонкого голоса на том конце провода едва не приняли звонок за розыгрыш. Лишь когда Линь Сянь повторил всё снова, излагая факты предельно четко и последовательно, полиция наконец отреагировала и выслала наряд.

Машина остановилась на улице Цаньцзян. Не слушая окриков водителя, Линь Сянь стремительно выскочил наружу и мысленно скомандовал Системе:

— Передай мне картинку из комнаты.

Перед глазами Линь Сяня возникло изображение: в грязной и запущенной съёмной квартире у Хэ Жаньжань был заткнут рот тряпкой, руки и ноги скручены веревкой, круглые глаза полны слёз, а лицо побледнело от пережитого ужаса.

Сердце Линь Сяня пронзило острой болью. Если говорить честно, любой нормальный человек испугался бы и растрогался, увидев испуганное личико похищенного ребенка и его заплаканные глаза.

Единственным утешением было то, что, кроме Хэ Жаньжань, в комнате находился лишь один взрослый, что позволило Линь Сяню чуть-чуть расслабиться.

— Нуль-нуль-лютый, у тебя есть какое-нибудь снотворное?

Есть.

— Тогда дай мне убойный спрей, чтобы вырубал человека с одного пшика.

50 баллов интеграции, ты уверен, что хочешь купить?

Баллы интеграции — это еще что за хрень? У Линь Сяня не было времени разбираться, и он выпалил:

— Беру, беру, давай быстрее!

С баллоном спрея в руках Линь Сянь нырнул в сумрачный переулок, подошел к двери съёмной квартиры и постучал.

Никто не открыл. Линь Сянь постучал еще раз.

Доверившись острому чутью, Линь Сянь поднял голову и посмотрел на глазок в двери. Похититель наверняка затаился внутри и разглядывал его, оценивая обстановку снаружи.

Хорошо хоть, что он всего лишь ребёнок — в глазах преступника это была наивная овечка, пришедшая сама.

И к тому же овечка с виду из богатой семьи.

Соблазн перевесил, и похититель отпер дверь.

Это был мужик лет тридцати-сорока в черной майке, от которого за версту разило смесью пота и лука.

Ощущение опасности и сильнейшее напряжение обострили чувства Линь Сяня до предела, и когда до него донесся кислый дух немытого тела, его едва не вытошнило.

Похититель присел на корточки и растянул губы в фальшивой, как ему казалось, дружелюбной улыбке:

— Малыш, а ты чего это...

Не успел он договорить, как Линь Сянь вскинул баллон и принялся яростно заливать ему лицо спреем. Похититель попытался было сопротивляться, но не прошло и двух секунд, как рухнул на пол как подкошенный.

С трудом затащив бесчувственное тело чуть дальше в комнату, Линь Сянь захлопнул дверь.

Вбежав в комнату, он бросился развязывать веревки на Хэ Жаньжань.

Но прежде чем он успел справиться с узлами, из коридора донесся звук поворачивающегося в замке ключа.

Хэ Жаньжань смотрела на него, из ее горла вырывался тихий, полный боли стон, а по чистенькому личику непрерывным потоком катились горячие слёзы, глаза распухли и покраснели от плача.

Сердце Линь Сяня пропустило удар. Резко обернувшись, он увидел входящего толстяка. У того было землисто-желтое лицо, одутловатая кожа и узкие глазки, источавшие сальный, похотливый блеск.

В первый раз Линь Сяню удалось вырубить бандита потому, что тот присел на корточки и был примерно одного роста с ним. Этот же громила не только возвышался над ним почти на голову, но и... очевидно, уже знал про его спрей.

Толстяк кивнул на угол под потолком, где висела камера — в комнате было установлено видеонаблюдение.

— Я как раз открыл телефон посмотреть камеру и увидел, как этот сопляк вырубил нашего третьего. — Увидев всё по монитору, он тут же примчался из забегаловки неподалеку.

Линь Сянь от испуга выронил спрей на пол, когда пытался развязать узлы. Теперь же, прежде чем он успел дотянуться до баллона, толстяк отпихнул его ногой, и цилиндрический флакон

закатился под кровать.

Толстяк бросился за попытавшимся убежать Линь Сянем, за шкурку поймал его и с размаху швырнул на кровать.

Линь Сянь изо всех сил забился под ним, отчаянно отбрыкиваясь ногами и молотя руками во все стороны... но в свои восемь лет его сопротивление было обречено на провал.

— А косточки-то нежные, как раз как я люблю.

Выдохнув облако зловонного перегара, он свободной рукой вытащил из изголовья веревку, намереваясь связать Линь Сяню руки.

Яростные попытки вырваться и оттолкнуть его довели толстяка до багрового цвета лица; со злости брызжа слюной, он рявкнул:

— Ах ты щенок, вынуждаешь меня силой брать!

Связав Линь Сяня, он расплылся в омерзительной улыбке:

— Не бойся, малыш, сейчас братишка лишит тебя невинности.

Линь Сянь мог лишь сверлить его взглядом — взглядом, полным предельной, исступленной ненависти, до такой степени, что зубы скрипели, грозя раскрошиться.

Ему хотелось изрыгать проклятия: пошел нахрен, мать твою, свали к чертовой матери, ты, мерзкая, грязная собака... Он мечтал вывалить на него всю грязь мира, чтобы выразить свое омерзение и ярость.

Но в этот момент он вдруг понял, что от чудовищной злости человек порой просто теряет дар речи. Горло само собой спазматически сжалось, точно так же, как тело, забившееся в мелкой животной дрожи.

Толстяк сорвал с него футболку, грубо стиснул тонкую белую талию, а затем склонился, впиваясь жирными губами в его шею...

В провонявшей грязию и потом тесной комнате Хэ Жаньжань, связанная по рукам и ногам, сидела на полу, издавая из глубины горла громкие, надрывные всхлипы.

Сквозь пелену слез Линь Сянь поймал её взгляд. Их глаза встретились в воздухе, и невыносимое чувство унижения растоптало в пыль всю гордость Линь Сяня как мужчины.

— Нуль-нуль-лютый, дай мне нож.

Он убьет эту тварь любой ценой.

Пусть тюрьма, пусть собственная жизнь в обмен — в его голове бушевал кипящий океан крови, и каждая клеточка тела орала во всю мочь: он должен зарезать эту мерзость!

Носитель... у тебя больше нет баллов...

Голос Системы звучал совсем тихо, в нем даже пробивались чисто человеческие нотки вины. — Прости, носитель...

Линь Сянь искусал губы до крови, на них выступили алые капли.

— А полиция? Я же вызвал их по дороге.

Еще едут, уже близко... Носитель, потерпи немного...

Линь Сянь смотрел на нависшего над ним толстяка и чеканил сквозь зубы каждое слово:

— Запомни, сукин сын, раз уж ты посмел полезть...

— Если я сегодня не сдохну, я сделаю твою жизнь хуже смерти, клянусь фамилией Линь...

Толстяк расстегнул ремень на брюках, привалившись к Линь Сяню сверху, и мерзко захихикал:

— Да как я могу тебя угробить? Я сделаю так, что ты от кайфа на тот свет отправишься...

Дурнота подступала к горлу Линь Сяня как на ментальном, так и на физическом уровне — каждую мышцу сводило судорогой, внутренности переворачивались вверх дном, а раскаленная кровь бурлила в венах... Ярость сжигала его изнутри, смешиваясь с пробивающимся страхом, который невозможно было игнорировать.

В конце концов из глаз Линь Сяня сами собой брызнули слезы чисто физиологической реакции, скатываясь по вискам прямо на засаленную подушку.

Его налитые кровью, сочащиеся яростью глаза источали смертельный холод, казалось, в нем затаился дикий зверь, готовый в любую секунду вцепиться кому-то в горло.

Сердце толстяка почему-то зябко ёкнуло, и движения на мгновение замерли.

— Бух-бух-бух!

Гулкий грохот ударов в дверь заставил помутневшее сознание Линь Сяня наконец проясниться...

Полиция ворвалась внутрь. Толстяк даже не успел подняться с кровати, как на него нацелили несколько черных дул.

Преступника повязали, а Линь Сянь поднялся с кровати.

Ему отчаянно не хотелось признаваться самому себе, что ноги его мелко дрожали.

Лишь спустя пару минут ему удалось кое-как выровнять равновесие.

Всё, что происходило потом, запомнилось ему словно в тумане: сочувствующие лица полицейских, мягкие расспросы, безутешный плач Хэ Жаньжань и её бледное личико...

Эти воспоминания расплывались, а со временем и вовсе превратились в белое пятно.

Но кое-что он запомнил кристально ясно.

Например, паутину на потолке, провонявшую старостью и плесенью подушку, горячее прерывистое дыхание толстяка и отвратительное, до мурашек по коже, прикосновение его рук.

И самую яркую, въевшуюся в память картину. На запястьях толстяка защелкнулись наручники, по его сальному, потному лицу блуждала ухмылка, когда он бросил на мальчика довольный взгляд:

— Эх, не успел как следует кайтануть, а уже замели, какая досада...

Линь Сянь ехал домой на машине, а уличные фонари за окном в этот вечер казались на редкость тусклыми и мертвенно-желтыми.

Система пыталась заговорить с Линь Сянем, но быстро поняла, что в его голове зияет абсолютная пустота и он едва ли осознает происходящее.

Чэнь Цинъюй и Линь Ваньнань пришли к нему в комнату. Чэнь Цинъюй долго-долго прижимала его к себе, утешая, а Линь Ваньнань молча стоял рядом, с бесконечной скорбью во взгляде.

Линь Исин тоже стоял у кровати, не произнося ни слова.

При виде Линь Исина Линь Сяня передергивало от омерзения, и слушать его он вовсе не желал.

Чэнь Цинъюй и Линь Ваньнань оформили ему неделю отгулов в школе и практически не отходили от него, ухаживая и пытаясь сделать так, чтобы случившееся не оставило у него психологической травмы.

Уже через пару дней Линь Сянь вернулся в норму.

По крайней мере, внешне он выглядел как прежде — так, будто ничего страшного и не произошло.

Линь Сянь сам вышел на связь с Системой, желая до конца разобраться с историей про баллы.

— Откуда у меня взялись те 50 баллов?

Главный герой в один из дней проникся к тебе.

— Ха, в какой же это день?

В тот день, когда тебя ударили по лицу.

— И как мне теперь зарабатывать баллы?

Выполняя скрытые задания, ты получаешь соответствующую награду в виде баллов. Баллы можно тратить на полезные штуки, чтобы выручать из беды тех, кто увяз в проблемах — включая тебя самого.

— И что за скрытые задания? Выкладывай.

Заставить главного героя искренне улыбнуться — плюс 50; заставить главного героя открыться и высказать то, что на душе — плюс 50; добиться, чтобы в ходе одного разговора главный герой произнес больше пяти предложений — плюс 50; взять главного героя за руку — плюс 50...

Линь Сянь поморщился:

— Забей, можешь не продолжать...

У него не было ни малейшего желания заискивать перед Линь Исином.

Хотя та мерзкая история не была делом рук самого Линь Исина, он всё же имел к ней отношение. К тому же человеку, способному на столь хладнокровную жестокость в столь юном возрасте, было крайне сложно улыбаться и делать вид, что ничего не было.

— Этот месяц Линь Исин несколько раз задерживался после школы... Он что, ходил вынюхивать обстановку? Как он всё это проворачивал?

Он изучил местность вокруг школы, вычислил место, где похитители подстерегают детей, и собрал там улики их преступлений. Вычислив периодичность их налетов, главный герой подстроил так, чтобы в тот самый день, сразу после уборки, он привел туда героиню.

Неудивительно, что похититель не сдал Линь Исина — в конце концов, у мальчишки был компромат на него. Да и... вряд ли кто-то поверил бы детским рассказам.

Тогда... почему Хэ Жаньжань ничего не рассказала? Испугалась, не посмела доносить на юного господина из клана Линь?

Линь Сянь лежал на постели, проваливаясь в сон.

В полусне он почувствовал, как у губ защекотало... Медленно приоткрыв глаза, он обнаружил, что на кровати рядом с ним кто-то лежит.

Линь Сянь перекатился набок, уселся верхом на Линь Исина и принялся безжалостно колотить его.

Сначала в грудь, потом в живот — удар за ударом, не жалея сил.

Линь Исин даже не пытался увернуться и не издал ни звука, принимая все удары на себя.

Линь Сянь выбился из сил и тяжело задышал, глядя на него сверху вниз:

— А ты хорош, ума палате — в сопливом возрасте замутить такую многоходовку...

Сарказм в его голосе резал слух, отчего сердце Линь Исина сжалось в жутком, удушающем спазме.

Он не знал... не знал, что Линь Сянь раскусит его план, и уж тем паче не ожидал, что какой-то ребёнок бросится его спасать. И тем более... он не предполагал, к чему всё это приведет.

— Линь Исин, если бы Хэ Жаньжань тогда действительно сломали жизнь, твоя совесть вообще была бы чиста?

Линь Сянь горько усмехнулся.

— Или у тебя её отродясь не было?

Линь Исин прямо посмотрел ему в глаза:

— Так ты до сих пор не понял? Я же псих, люблю разрушать, люблю насилие...

Он ведь уже приставлял нож к его горлу, и Линь Сянь видел его по уши в крови, а теперь ему стал известен весь мрак его душонки...

— Это происходит не в первый раз, ты же знаешь, какой я на самом деле.

— Раз уж всё выяснилось, почему бы тебе не пожаловаться предкам? Вышвырни меня из клана Линь, отправь обратно в приют.

Все эти слова вроде «раз я подобрал тебя, теперь ты мой человек» — сплошная ложь.

<http://bllate.org/book/24751/2923910>